

Контракт

на одно лето

18+

AKSEI AKSEI

Контракт на одно лето

<https://litres.ru/74690827>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мне двадцать семь. У моего архитектурного бюро — долги, кредит и сломанная кофемашина. У него — сделка на одиннадцать миллиардов и репутация после «развода года».

Он предлагает контракт: я проектирую ему дом над обрывом у моря и всё лето играю его невесту перед инвесторами. Отдельным приложением — регламент. Держаться за руки. Целоваться — только если без этого никак. Никаких чувств. Никакой постели.

Один дом на двоих. Одна ванная. Стена толщиной в три сантиметра. И его бывшая жена, которая знает обо мне больше, чем я сама.

Я думала, что самое трудное — убедительно сыграть влюблённую.

Оказалось, самое трудное — перестать.

Фиктивная помолвка, властный и закрытый герой, героиня, которая не продаётся, море, южное лето и обязательный счастливый финал.

Содержание

Глава 1. Последний счёт	4
Глава 2. Предложение	13
Глава 3. Условия	22
Глава 4. Почему она	31
Глава 5. Один дом	39
Глава 6. Первый ужин	49
Глава 7. Ночная стройка	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

AKSEI AKSEI

Контракт на одно лето

Глава 1. Последний счёт

В понедельник в девять утра у меня сломались сразу три вещи: кофемашина, каблук и, кажется, бизнес.

Кофемашина умерла первой. Она издала звук, с каким, наверное, тонут подводные лодки, плюнула в чашку коричневой водой и замигала всеми лампочками сразу. Я постояла над ней с минуту, как над постелью больного, и решила, что это знак. Плохой. Хороших знаков в последнее время мне не попадалось.

Каблук я сломала на лестнице нашего лофта на Бауманской — на той самой ступеньке, которую управляющая компания обещала починить ещё в марте. Туфли были единственные приличные, купленные для встреч с заказчиками. Заказчиков в этом месяце не предвиделось, так что потеря, если подумать, была символической.

А про бизнес мне сообщила Соня.

Она сидела за своим столом у окна, обложившись распечатками, и лицо у неё было как у хирурга, который сейчас выйдет к родственникам в коридор. Соня ведёт финансы бюро с первого дня. Она умеет улыбаться, когда всё плохо, и

молчать, когда всё очень плохо.

Соня молчала.

— Доброе утро, — сказала я, сняла сломанную туфлю и поставила её на Сонин стол, как трофей. — Давай сразу. Насколько всё ужасно?

— По шкале от одного до десяти?

— По шкале от «переживём» до «продаём почку».

Соня развернула ко мне ноутбук.

— На счёте четыреста двенадцать тысяч. Зарплата команде — шестьсот сорок. Через десять дней платёж по кредиту, ещё триста восемьдесят. Аренда — двадцать пятого.

Я села на край её стола. Цифры на экране были аккуратные, ровные, выделенные жёлтым. Соня всегда выделяла жёлтым то, что нас убивает.

— А «Аврора»?

— «Аврора», — повторила Соня тем тоном, каким говорят о покойниках, — с пятницы в процессе ликвидации. Наш юрист отправил им претензию. Письмо вернулось. По юридическому адресу — салон красоты.

Я рассмеялась. Это был не самый здоровый смех.

Четыре миллиона восемьсот тысяч рублей. Ровно столько нам были должны за проект бутик-отеля в Подмосковье. Восемь месяцев работы. Сорок два листа рабочей документации, три варианта фасада и визуализации, от которых у заказчика, по его собственным словам, бежали мурашки. Я помнила, как он жал мне руку на последней встрече и го-

ворил, что таких молодых и талантливых в Москве по пальцам пересчитать. Аванс в двадцать процентов они заплатили сразу. Остальное — «после согласования, вы же понимаете, бухгалтерия».

Я понимала. Я взяла кредит, чтобы вовремя заплатить конструкторам и визуализаторам. Потому что я так работаю: если я пообещала людям деньги, они их получают. Даже если мне самой потом придётся есть гречку до осени.

— Номер директора? — спросила я.

— Не обслуживается.

— Почта?

— Тишина.

— Сайт?

Соня молча открыла вкладку. На месте сайта «Авроры» висела белая страница с надписью «Домен продаётся».

Я сняла вторую туфлю, ту, что ещё была цела, и поставила рядом с первой. Пара. Хоть что-то в моей жизни осталось парным.

— Вер, — тихо сказала Соня. — Я не знаю, кто это сделал. Но на обычное кидалово не похоже. Фирму открыли за месяц до договора с нами. Других заказов у неё не было. Как будто её создали только под нас.

— Кому нужно создавать фирму, чтобы разорить бюро из пяти человек? — Я пожала плечами. — Мы не настолько важные, Сонь. Нас просто обманули. Такое случается каждый день.

Тогда я в это верила.

В десять пришли Тимур и Катя.

Тимур — наш визуализатор: двадцать четыре года, наушники, которые он, по-моему, не снимает даже во сне, и талант, за который крупные студии давно предлагали ему вдвое больше. Катя — младший архитектор, вчерашняя выпускница, которая до сих пор приносит мне кофе и смотрит так, будто я знаю ответы на все вопросы.

Я не знала ответа ни на один.

— Вера Андреевна, а что с кофемашиной? — Катя испуганно потрогала мигающую панель.

— Ушла в лучший мир, — сказала я. — Сегодня пьём растворимый. В знак солидарности с покойной.

Они засмеялись. Я тоже. Улыбаться я умею хорошо — этому меня научил первый год в профессии, когда меня, девочку с красными папками, на каждом совещании называли «наша красавица» и ни разу — по имени.

Я не сказала им про деньги. Наверное, это было малодушно. Но я смотрела, как Тимур напевает себе под нос, вращая на экране трёхмерную модель, как Катя старательно чертит узел примыкания кровли, и не могла. Они пришли ко мне, когда у «Линии» не было ничего, кроме названия и арендованных столов. Они остались, когда ушёл Денис.

Про Дениса я старалась не думать. Получалось примерно так же хорошо, как не думать о белой обезьяне.

Мы открывали «Линию» вместе. Он — бизнес, я — про-

екты. Мы были женихом и невестой, выбирали ресторан для свадьбы и спорили, какой будет наша первая собственная квартира: он хотел панорамные окна, я — высокие потолки. А потом в один вторник он сказал, что «Монолит Групп» предложил ему должность директора по развитию и что «ты же понимаешь, такие шансы не упускают». Он ушёл в «Монолит» и забрал с собой трёх наших ключевых заказчиков. Свадебный ресторан я отменяла сама.

Я до сих пор не знаю, что было обиднее: что ушёл он или что заказчики ушли вместе с ним.

В обед я открыла ленту новостей — зря, конечно. «Монолит Групп» выиграл тендер на жилой квартал в Химках. На фотографии с церемонии Денис стоял во втором ряду, в новом костюме, и улыбался той самой улыбкой, с которой когда-то делал мне предложение.

Я закрыла вкладку. Потом открыла снова и посмотрела ещё раз. Потом закрыла окончательно и ушла в туалет — плакать над раковиной, пока никто не видит.

Плакала я ровно две минуты. Это мой личный норматив. Потом умылась, собрала волосы в пучок, воткнула в него карандаш и вернулась к работе.

В половине пятого позвонили из банка.

Менеджер говорил вежливо, почти ласково — так разговаривают с человеком, которого собираются уволить. Он напомнил о платеже, уточнил, «всё ли у нас в порядке», и мяг-

ко поинтересовался, не рассматриваю ли я реструктуризацию. Под залог, разумеется. Например, под залог автомобиля.

Моим автомобилем была восьмилетняя «мазда» цвета мокрого асфальта, которая заводилась с третьего раза и которую я любила, как старую собаку.

— Я вам перезвоню, — сказала я.

— Конечно, Вера Андреевна. Буду ждать. Только, пожалуйста, не затягивайте.

Я не затягивала. Я просто сидела и смотрела на стену.

На стене напротив моего стола висел планшет — большой лист пенокартона с моим конкурсным проектом. «Дом над обрывом». Частная резиденция на скале над морем: бетон, стекло и терраса, которая будто парит над водой. Год назад я отправила его на конкурс молодых архитекторов и не прошла даже в финал. Жюри написало, что проект «смелый, но коммерчески наивный».

Я повесила его на стену, чтобы помнить: смелость не оплачивает аренду.

Видимо, помнила плохо.

К девяти вечера все разошлись. Соня уходила последней и долго топталась в дверях, наматывая шарф.

— Может, мне остаться?

— Иди домой, — сказала я. — Я составлю план спасения.

— Какой?

— Гениальный. Пока не знаю какой, но гениальный.

Соня посмотрела на меня так, как умеет смотреть только она: с жалостью, которую очень старается спрятать.

— Вер. Если будет совсем плохо, мы закроемся. Это не конец света. Ты откроешь новое бюро. Ты талантливая.

— Я знаю, — соврала я. — Иди.

Когда за ней закрылась дверь, я достала из ящика блокнот и написала на чистой странице: «План спасения».

Пункт первый: продать «мазду». Хватит на месяц, если повезёт.

Пункт второй: взять ещё один кредит. Чтобы платить по первому. Гениально.

Пункт третий: позвонить маме.

Пункт третий я зачеркнула сразу. Мама скажет, что предупреждала. Мама всегда предупреждала: что архитектура — не женская профессия, что Денис «скользкий», что своё дело — это «одни нервы». Мама оказалась права почти во всём, и именно поэтому звонить ей было невозможно.

Пункт четвёртый: закрыть «Линию».

Я смотрела на эти два слова очень долго. Потом зачеркнула и их — так сильно, что карандаш прорвал бумагу.

В 21:47 ноутбук тихо звякнул. Новое письмо.

Я открыла его машинально — думала, очередная рассылка про скидки на сантехнику. Но отправителем значилось: «Вертикаль. Приёмная генерального директора».

Уважаемая Вера Андреевна!

Марк Александрович Воронцов приглашает вас на встречу для обсуждения проекта частной резиденции на черноморском побережье. Встреча состоится завтра, во вторник, в 10:00 по адресу: Пресненская набережная, башня «Федерация», 54-й этаж.

Просим подтвердить ваше участие.

С уважением, Ирина Ланская, помощник генерального директора.

Я перечитала письмо три раза.

«Вертикаль» знали все, кто хоть раз открывал отраслевые новости. Компания строила премиальное жильё на побережье — дома, которые потом печатали на обложках журналов об интерьерах. А Марка Воронцова знали даже те, кто отраслевые новости не открывал никогда. Полгода назад его развод не сходил со страниц светской хроники. «Развод года». «Бывшая жена требует половину империи». Фотографии: высокий мужчина в тёмном пальто выходит из здания суда, не глядя в камеры. Лицо такое, будто его высекли из того же бетона, из которого он строит.

Зачем человеку, который строит дома для миллиардеров, бюро из пяти человек с кредитом и сломанной кофемашиной?

Это ошибка, решила я. Перепутали адресата. Или чья-то злая шутка.

Я набрала Соню.

— Ты спишь?

— Уже нет. Что случилось? Ты продала почку?

— Мне написала «Вертикаль». Воронцов зовёт на встречу. Завтра в десять.

На том конце повисла такая тишина, что я решила, будто оборвалась связь.

— Соня?

— Иди, — сказала она очень серьёзно. — Слышишь меня, Соколова? Даже если это ошибка. Даже если там сидит сам дьявол. Иди.

— У меня сломан каблук.

— Наденешь кеды. Гении ходят в кедах.

Я положила трубку и посмотрела на планшет на стене. «Дом над обрывом» белел в полумраке, и мне вдруг показалось, что терраса над нарисованным морем и правда парит.

Я подтвердила встречу одним словом: «Буду».

Если бы я знала, чем закончится это лето, я бы удалила то письмо, не открывая.

Хотя кого я обманываю. Не удалила бы.

Глава 2. Предложение

Во вторник я пришла в «Москва-Сити» в кедах.

Белых, почти чистых, с подошвой, которая предательски поскрипывала на каждом шагу. К ним — льняная рубашка, единственные брюки, которые не нужно было гладить, и тубус с чертежами через плечо. В зеркальной стене лифта я выглядела как студентка, перепутавшая этаж. Или как архитектор, у которого на счёте четыреста двенадцать тысяч рублей.

Лифт поднимался так быстро, что заложило уши. Сорок девять, пятьдесят, пятьдесят один. Я считала этажи и повторяла про себя Сонино напутствие: «Даже если там сидит сам дьявол». Пятьдесят четыре.

Двери разъехались бесшумно.

Приёмная «Вертикали» была похожа на музей современного искусства, из которого вынесли искусство: белый камень, стекло, одна-единственная орхидея на стойке. Из-за стойки поднялась женщина лет сорока в сером костюме — гладкое каре, жемчужные серьги и лицо, на котором не дрогнул ни один мускул, когда её взгляд опустился на мои кеды.

Ну, почти ни один.

— Вера Андреевна? Ирина Ланская. Марк Александрович вас ждёт.

Ждёт. Я посмотрела на часы: без двух минут десять. Значит, он из тех, кто ждёт заранее. Я ещё не решила, хорошо

это или плохо.

Ирина провела меня по коридору мимо стеклянных перегородочных — в одной из них человек десять в костюмах слушали презентацию, и никто, кажется, не дышал, — и постучала в последнюю дверь.

— Войдите.

Голос был низкий и ровный. Таким голосом объявляют посадку на рейс или результаты вскрытия.

Кабинет оказался угловым, и две его стены были целиком из стекла. За ними лежала Москва — серая, огромная, с игрушечными машинками на набережной и рекой, похожей на полосу фольги. В первую секунду я смотрела только на неё. А во вторую — на человека, который стоял у окна спиной ко мне и говорил по телефону.

— Нет, — сказал он в трубку. — Нет. Это не обсуждается. Пришлите исправленный график к вечеру.

Он отключился, не попрощавшись, и обернулся.

На фотографиях из светской хроники Марк Воронцов выглядел холодным. Вживую он выглядел холодным и очень высоким. Тёмный костюм без галстука, белая рубашка с растёгнутым воротом, ранняя седина на висках — будто кто-то провёл по ним кистью с серебряной краской и передумал на полпути. Жёсткая линия челюсти, лицо, которое, кажется, разучилось улыбаться ещё в прошлой пятилетке. И глаза — серые, как бетон после дождя.

Глаза изучили меня целиком: от растрёпанного пучка до

кед. Задержались на кедах. Ровно на секунду.

— Вера Андреевна. — Он подошёл и протянул руку. — Спасибо, что пришли.

Я пожала её и удивилась. Ладонь у него была жёсткая, шершавая — совсем не такая, какой положено быть ладони человека с пятьдесят четвёртого этажа. Большим пальцем я нащупала тонкий рубец поперёк его ладони. Шрам.

Он заметил, что я заметила, и убрал руку.

— Садитесь.

Я села в кресло, которое стоило, наверное, как мой годовой бюджет на кофе, и положила тубус на колени.

— Я принесла портфолио. Там бутик-отель, два частных дома и...

— Я видел ваши работы.

— Какие именно?

— Достаточно, — сказал он, и это прозвучало не как комплимент, а как закрытая тема.

Он сел не за стол, а в соседнее кресло и положил передо мной планшет. На экране была фотография: скала, обрывающаяся в море, сосны, вцепившиеся корнями в камень, и бирюзовая вода внизу, такая прозрачная, что на дне виднелись валуны.

У меня перехватило дыхание. Не от красоты. Вернее, не только от неё.

Я знала это место. Не эту скалу — я никогда здесь не была. Но я её рисовала. Год назад, ночами, для конкурса, который

проиграла. Обрыв, сосны, море и дом, который не стоит на скале, а будто вырастает из неё.

— Участок под Сочи, — сказал Воронцов. — Два гектара, сорок метров над уровнем моря. Фундамент залит, каркас первого этажа готов. Предыдущий архитектор сделал... — он помолчал, подбирая слово, — коробку. Дорогую, качественную, совершенно мёртвую коробку. Я остановил стройку.

— И вам нужен новый проект.

— Мне нужен дом, который будет жить. За лето. Авторский надзор на месте: вы будете жить рядом со стройкой, там есть гостевой дом. Гонорар — девять миллионов.

Я, кажется, моргнула. Девять миллионов. Это были все наши долги, зарплаты на полгода вперёд, новая кофемашина и, может быть, даже новые туфли.

Это было слишком хорошо. А всё, что слишком хорошо, в моей жизни заканчивалось салоном красоты по юридическому адресу.

— В чём подвох? — спросила я.

Он посмотрел на меня чуть дольше, чем требовала вежливость. Потом поднялся и подошёл к окну.

— Вы читаете новости, Вера Андреевна?

— Иногда. Когда хочу испортить себе настроение.

— Значит, вы знаете, что я развёлся.

— Об этом знает вся страна. Даже моя мама. А она читает только прогноз погоды и гороскопы.

Уголок его рта дрогнул. Не улыбка, нет. Скорее сбой в программе.

— Этот дом — часть сделки, — сказал он, глядя на город. — Большой сделки. Холдинг Лебедевых входит в мой проект на побережье, одиннадцать миллиардов рублей. Аркадий Лебедев сорок лет строил свой бизнес вместе с женой.

Он верит в семью, в репутацию и в то, что мужчина, который не удержал брак, не удержит и стройку. Так он сказал моему юристу. Дословно.

— Сочувствую, — сказала я. — Но я архитектор, а не семейный психолог.

— Лебедевы приезжают в Сочи через две недели и пробудут там до подписания, до конца августа. Ужины, приёмы, яхта — всё, что они любят. — Он повернулся ко мне. — Мне нужно, чтобы всё это время рядом со мной была невеста.

Я ждала продолжения. Продолжения не было.

— Простите, — сказала я медленно. — Мне показалось, вы сказали «невеста».

— Вам не показалось.

— Вы предлагаете мне работу или роль в сериале на канале «Домашний»?

— Я предлагаю вам и то и другое, — спокойно сказал он, будто речь шла о смете. — Вы архитектор этого дома. Это объясняет, почему вы всё лето живёте рядом со мной. Вы не появлялись в светской хронике, у вас нет прошлого, которое можно раскопать. На людях мы пара: держимся за руки, сидим рядом и, если ситуация потребует, целуемся. Наедине — работа и ничего больше. Всё это будет прописано в отдельном соглашении о неразглашении. В сентябре мы объявим, что не сошлись характерами. Это не вызовет вопросов. Со мной, — добавил он ровно, — никто не сходится характерами.

Мне стало жарко. Сначала от злости. Потом от того, что слово «целуемся» он произнёс тем же тоном, что и «каркас первого этажа».

— Почему я? — спросила я. — В Москве сотни архитекторов. И, уверена, тысячи женщин, которые с радостью сыграли бы вашу невесту бесплатно.

— Именно поэтому, — сказал он. — Мне не нужен человек, который захочет большего. Мне нужен человек, который будет делать свою работу. А вы, судя по всему, умеете только это.

Это было оскорбление. Я была почти уверена, что это оскорбление.

Я встала. Тубус соскользнул с колен и с глухим стуком упал на пол. Я подняла его, стараясь сохранить остатки достоинства, и выпрямилась.

— Знаете, что я думаю, Марк Александрович? Вы где-то узнали, что у моего бюро проблемы. И решили, что человека в долгах можно купить целиком. С проектом, с кедями и с репутацией.

Он не отвёл взгляда.

— Я ничего не покупаю целиком, Вера Андреевна. Я заключаю контракты. С чёткими условиями и с правом отказаться.

— Тогда я отказываюсь.

— Ваше право.

— Найдите себе актрису.

— Актрисы врут хуже архитекторов, — сказал он. — Архитекторы хотя бы понимают, что без фундамента всё рухнет.

Я развернулась и пошла к двери. Кеды скрипели по глянцево-му полу на весь кабинет: скрип, скрип, скрип. Уйти красиво не получалось.

— Предложение действует до пятницы, — сказал он мне в спину. — Потом я найду другого архитектора. И невесту тоже.

Я рванула дверь, чтобы ею хлопнуть. Дверь оказалась на доводчике. Она не хлопнула. Она мягко и почти издевательски закрылась у меня за спиной.

В лифте меня трясло.

Я прижалась лбом к холодному зеркалу и смотрела, как на табло убегают вниз этажи. Пятьдесят. Сорок. Тридцать. Злость была горячей и понятной. А под ней пряталось что-то ещё, что мне совсем не нравилось: я всё ещё чувствовала на ладони его шершавую руку и тонкую полоску шрама.

На улице я сразу набрала Соню.

— Ну? — выдохнула она в трубку. — Живая?

— Он хочет, чтобы я стала его невестой.

Пауза.

— Повтори.

— Фиктивной. На лето. Перед инвесторами. А заодно спроектировать ему дом.

Пауза стала длиннее.

— Сколько? — спросила Соня тем голосом, которым она говорит о деньгах.

— Соня!

— Сколько, Вера?

— Девять.

Соня замолчала так надолго, что мимо меня успели пройти трое курьеров и один голубь.

— Я отказалась, — сказала я.

— Я поняла, — тихо ответила Соня. — Приезжай. Поговорим.

Вечером, когда бюро опустело, я долго сидела перед «Домом над обрывом».

Я говорила себе, что это совпадение. Что в России тысячи километров побережья, а скалы над морем похожи одна на другую. Что Марк Воронцов не мог видеть мой конкурсный проект, а если и видел, то давно забыл, как забывают сотни чужих проектов.

Потом я открыла блокнот, чтобы составить новый план спасения. Вместо плана рука сама нарисовала обрыв. Сосны. Линию террасы, которая не стоит на камне, а парит над водой.

Я вырвала лист и смяла его.

Потом расправила и разгладила ладонью.

До пятницы оставалось три дня. Я продержалась два.

Глава 3. Условия

Соня ждала меня в бюро с калькулятором.

Не с приложением в телефоне — с настоящим калькулятором, большим, бухгалтерским, с бумажной лентой. Она достаёт его только в особых случаях: когда мы сдаём налоговую отчётность и когда кто-то из нас собирается совершить глупость.

— Садись, — сказала она.

— Я не буду это обсуждать.

— Садись, Вера.

Я села. Тимур и Катя ушли на обед, в бюро было тихо, только гудел старый кондиционер. Соня застучала по кнопкам, калькулятор зажужжал и выплюнул ленту.

— Остаток по кредиту — два с половиной миллиона, — сказала она. — Зарплаты — шестьсот сорок в месяц. Если он заплатит хотя бы половину гонорара сразу, мы закрываем кредит целиком и платим людям до осени. Без гречки. Без продажи «мазды». Без звонков из банка.

— Соня. Он хочет, чтобы я изображала его невесту.

— Я слышала.

— Целовалась с ним на людях!

— Тебе предлагают целоваться с Марком Воронцовым за девять миллионов, — медленно сказала Соня, — а ты говоришь об этом таким тоном, будто тебя отправляют на кар-

тошку.

— Это унизительно.

— Унизительно — это то, что сделала с нами «Аврора».

— Соня оторвала ленту и положила передо мной. — Вер, я не говорю «соглашайся». Я говорю: посмотри на цифры. Ты же сама всегда повторяешь, что цифры не врут.

— Цифры не врут. Врут люди, которые их пишут.

— Вот и напиши свои.

Я ничего не ответила. Лента с цифрами пролежала на моём столе до вечера, и каждый раз, когда я поднимала глаза от монитора, она смотрела на меня, как кот, который ждёт, когда его покормят.

В среду Катя принесла мне конверт.

Она дождалась, пока Тимур уйдёт на встречу с подрядчиком, а Соня — в банк, подошла к моему столу и положила его рядом с клавиатурой. Обычный белый конверт, чуть помятый.

— Что это?

— Сорок тысяч, — сказала Катя и покраснела до ушей. — Я откладывала на отпуск. Но я подумала... Я слышала, как вы с Соней говорили. Простите, я не подслушивала, просто стена тонкая. Может, это поможет. Хоть немного. Я и без зарплаты могу месяц поработать, честно, я же у родителей живу...

Я смотрела на конверт и не могла сказать ни слова.

Двадцать три года. Первая работа. Сорок тысяч, которые она откладывала, наверное, целый год — на море, на Турцию, на что-то хорошее, что положено иметь в двадцать три. И она принесла их мне. Потому что верила, что я знаю ответы на все вопросы.

— Катя, — сказала я, когда смогла говорить. — Забери. Пожалуйста.

— Но...

— Забери, — повторила я и сама вложила конверт ей в руки. — У нас всё будет хорошо. Обещаю. Поезжай в свой отпуск и привези мне магнитик.

Она ушла, прижимая конверт к груди, а я заперлась в туалете и превысила свой личный норматив по слезам почти втрое.

Потом умылась, посмотрела в зеркало на свои красные глаза и сказала вслух:

— Ладно, Воронцов. Но по моим правилам.

Всю ночь с четверга на пятницу я писала условия.

Я писала их так, как пишу техническое задание: по пунктам, с подпунктами, без эмоций. Это помогало. Когда пишешь «пункт 4.2. Физический контакт в публичных местах допускается в следующих пределах», невозможно думать о том, как выглядят руки человека, с которым этот контакт предстоит. Почти невозможно.

К трём часам ночи у меня было четыре страницы. К пяти

— две: я вычеркнула всё, что звучало как истерика. К семи я приняла душ, надела ту же льняную рубашку, потому что она была моими единственными доспехами, и те же кеды — из принципа.

В девять я снова стояла в приёмной на пятьдесят четвёртом этаже.

Ирина Ланская подняла голову от монитора, увидела меня, и впервые за наше знакомство её лицо выразило эмоцию. Это было удивление. Очень сдержанное, на два миллиметра бровей вверх, но всё-таки.

— Вера Андреевна. Вам не назначено.

— Я знаю. Он сказал: до пятницы. Сегодня пятница.

Ирина помедлила секунду и сняла трубку.

— Марк Александрович, к вам Соколова.

Пауза. Я не слышала, что он ответил. Но Ирина положила трубку и чуть заметно улыбнулась — или мне показалось.

— Проходите. Он сказал, что ждал вас вчера.

Он стоял у того же окна, будто не отходил от него со вторника. Только пиджака на этот раз не было: белая рубашка с закатанными рукавами, сильные предплечья, узкие часы на металлическом браслете. Я зачем-то это отметила. И разозлилась на себя за то, что отметила.

— Доброе утро, Вера Андреевна.

— У меня есть условия, — сказала я вместо приветствия.

— Я так и думал. Садитесь.

— Я постою.

Он кивнул, будто именно этого и ждал, и сел сам — на край стола, скрестив руки на груди. Теперь мы были почти одного роста. Это было нечестно.

Я развернула свои две страницы.

— Первое. Гонорар. Половина — четыре с половиной миллиона — до нашего отъезда в Сочи. Вторая половина — по сдаче проекта в конце августа. Независимо от того, как пройдёт ваша сделка.

— Принято.

Я ожидала торга. Я подготовила аргументы. Аргументы так и остались произнесёнными, и от этого я сбилась.

— Второе, — сказала я, отыскав нужную строчку. — Полная творческая свобода. Я проектирую дом, а не коробку. Вы можете со мной спорить, но последнее слово по архитектуре — за мной.

— Последнее слово — за тем, кто прав.

— Значит, за мной.

Уголок его рта снова дрогнул. Второй сбой в программе за неделю.

— В рамках бюджета, — сказал он. — Сто двадцать миллионов на строительство. Ни рублём больше.

— Справлюсь.

— Посмотрим. Дальше.

— Третье. — Я почувствовала, как горят уши, и заставила себя смотреть ему в глаза. — Никаких чувств. Никакой

постели. На людях — рука, плечо, щека. Поцелуй — только если без него никак. И без языка.

Тишина в кабинете стала такой плотной, что её, кажется, можно было резать.

— Вы хотите прописать в договоре, как именно мы будем целоваться? — очень ровно спросил он.

— Я хочу прописать в договоре всё, — сказала я. — Чтобы потом никто не сказал, что его неправильно поняли.

Он смотрел на меня несколько долгих секунд. Потом протянул руку ладонью вверх.

— Дайте.

Я отдала ему листы. Он прочитал их быстро и внимательно, перевернул, прочитал оборот. Взял со стола ручку — тяжёлую, перьевую, совсем не офисную — и что-то дописал внизу.

— Мои условия, — сказал он и вернул листы.

Внизу его почерком, твёрдым и угловатым, как линии на строительных чертежах, было написано три строчки.

1. Никаких интервью и соцсетей без согласования.
2. Если вы уходите до конца августа — возвращаете аванс.
3. Врать можете кому угодно. Мне — нет.

Я перечитала третий пункт дважды.

— Странное условие для человека, который строит отношения на лжи.

— Это не отношения, — сказал он. — Это контракт. В контракте я хочу знать правду.

— А вы? Вы мне врать будете?

Он помолчал. Чуть дольше, чем нужно для простого «нет».

— Нет, — сказал он наконец.

Я кивнула. Тогда я ещё не знала, что промолчать — это не то же самое, что соврать. И что Марк Воронцов прекрасно знает эту разницу.

— Почему всё-таки я? — спросила я. — Только честно. Вы же сами записали этот пункт.

Он посмотрел на мои кеды.

— Потому что вы пришли во второй раз в тех же кедах, — сказал он. — Человек, который не переобувается ради девяти миллионов, не станет переобуваться и ради Лебедевых.

Это был не ответ. Это был красивый, отполированный обход ответа. Но спорить я не стала: что-то подсказывало, что настоящий ответ мне пока не понравится.

Через двадцать минут в кабинет вошёл человек с папкой.

Лет под сорок, в мятой голубой рубашке, с очками, поднятыми на макушку, и выражением лица, какое бывает у людей, видевших в жизни всё и ничему больше не удивляющихся.

— Глеб Ремизов, — представился он и пожал мне руку. — Юрист и, к несчастью, друг. Вы та самая архитектор, ради которой я вчера до полуночи переписывал договор?

— Я ещё не согласилась.

— Согласились, — сказал Глеб, покосившись на Марка.

— Иначе он бы меня не позвал.

Договоров было два. Первый — обычный договор на проектирование и авторский надзор, двадцать страниц мелкого шрифта. Второй — соглашение о неразглашении, три страницы. К нему Глеб, не моргнув глазом, приложил мои листы с правками Марка и озаглавил их «Приложение № 1. Регламент взаимодействия сторон».

— Регламент, — повторила я.

— Звучит лучше, чем «правила поцелуев», — невозмутимо ответил Глеб. — Подписывайте здесь, здесь и здесь. Поздравляю, вы помолвлены.

Марк протянул мне свою перьевую ручку. Я взяла её, и на секунду наши пальцы соприкоснулись. Ничего особенного. Просто чужие пальцы, тёплые и шершавые.

Я подписала все экземпляры. Он подписал после меня — быстро, размашисто, не глядя.

— Вылет в понедельник, — сказал он. — Шесть утра, Внуково. Ирина пришлёт вам билет. Аванс придёт сегодня до вечера.

— Сегодня?

— Вы же написали: до отъезда. Сегодня — тоже до отъезда.

Я уже стояла в дверях, когда он сказал:

— Вера Андреевна. Ещё одно.

Он выдвинул ящик стола и достал маленькую тёмно-синюю коробочку. Подошёл и положил её мне на ладонь, не

открывая.

— Невеста без кольца вызывает вопросы.

Я открыла коробочку. Внутри лежало тонкое кольцо из белого золота с одним небольшим прозрачным камнем — простое, без завитушек и без бриллиантовой россыпи, которой обычно обвешивают невест миллионеров. Именно такое я выбрала бы себе сама, если бы когда-нибудь выбирала кольцо сама.

— А если не подойдёт по размеру?

— Подойдёт, — сказал он.

Я надела его прямо там, в дверях кабинета. Кольцо село так, будто его сняли с моего пальца.

Я подняла глаза. Марк уже вернулся к окну и стоял ко мне спиной.

Откуда он знает мой размер, я спрашивать не стала. Мне ещё предстояло узнать, что Марк Воронцов замечает всё.

А вечером на счёт бюро упали четыре с половиной миллиона рублей, и Соня позвонила мне и полторы минуты просто визжала в трубку.

Глава 4. Почему она

Марк

Дверь за ней закрылась мягко. Доводчик я выбирал сам. Я всегда сам выбираю то, что потом будет закрываться у меня за спиной.

Во вторник она пыталась хлопнуть этой дверью. Я видел, как она дёрнула ручку — изо всех сил, со всей злостью. Дверь не поддавалась. Мне тогда пришлось отвернуться к окну, потому что я улыбался, а улыбаться при подрядчиках я не привык.

Сегодня она дверью не хлопала. Она ушла с моим кольцом на пальце.

Я стоял у окна и смотрел вниз. С пятьдесят четвёртого этажа людей не разглядеть: точки, тени, движение. Я всё равно смотрел. Где-то там шла девушка в белых кедах, и я, взрослый человек тридцати пяти лет, пытался угадать, какая из точек — она.

— Ты понимаешь, что делаешь? — спросил за моей спиной Глеб.

Он сидел в кресле, рядом с которым десять минут назад стояла она — стояла, потому что из принципа отказалась садиться, — и вертел в руках её листы с условиями.

— Закрываю сделку.

— Ты нанял на роль невесты девушку, чей конкурсный

проект целый год лежит у тебя в столе. — Глеб снял очки с макушки и протёр их краем рубашки, отчего рубашка стала только мятее. — Я юрист, Марк, а не психиатр. Но даже я вижу, что это плохая идея.

— Это лучшая идея за год.

— Сказал человек, который в прошлом году решил, что Алина «просто устала».

Я промолчал. С Глебом мы дружим со студенчества, и он единственный, кому я позволяю такие фразы. Не потому что он прав. Потому что он, к сожалению, обычно прав.

Год назад «Вертикаль» была генеральным спонсором конкурса молодых архитекторов. Ирина решила, что это хорошо для репутации, и вписала меня в жюри. Я не хотел идти. Не люблю смотреть чужие проекты: в девяти случаях из десяти это красивые картинки, которые невозможно построить.

Шестьдесят восемь работ. Я листал их два часа. Стекло, кубы, «экологичные решения», «диалог с ландшафтом». Мёртвые коробки в красивых обёртках.

Где-то в середине стопки был «Дом над обрывом».

Я не помню, сколько на него смотрел. Помню, что председатель жюри — уважаемый человек, автор двух вокзалов и одного очень некрасивого театра — дважды кашлянул у меня над ухом. Дом не стоял на скале. Он из неё рос. Терраса висела над водой на консоли, которую большинство инженеров назвали бы безумием, а я, прикинув в уме нагрузки, на-

звал бы смелостью. В углу планшета, поверх эскиза, от руки было написано: «Дом должен быть продолжением места, а не его победителем».

Я голосовал за то, чтобы проект прошёл в финал. Один против шести.

«Смелый, но коммерчески наивный» — так написал в итоговом протоколе председатель. Я сказал ему тогда, что коммерчески наивны люди, которые строят одинаковое. Он обиделся. Я не извинился.

Через месяц я купил участок под Сочи. Не из-за неё: я давно к нему присматривался, и сделка тянулась полгода. Но когда я впервые встал на краю той скалы, над морем, между соснами, я увидел не камень. Я увидел её террасу.

Потом я нанял архитектора с именем. Потому что так положено, потому что имя продаёт, потому что я разумный человек. Архитектор с именем нарисовал мне коробку. Дорогую, качественную, совершенно мёртвую коробку.

Когда был готов каркас первого этажа, я остановил стройку. И попросил Ирину найти автора «Дома над обрывом».

Это было в марте. Ирина нашла её за день. А я три месяца не решался позвонить. Говорил себе, что жду, пока юристы разорвут договор со старым архитектором. Юристы справились за две недели.

А в мае Лебедев сказал Глебу свою фразу про брак и стройку. И я понял, как убить двух зайцев одним выстрелом. Глеб назвал это цинизмом. Я назвал это оптимизацией.

— Я её проверил, — сказал Глеб. — Как ты просил. Стандартная проверка перед соглашением о неразглашении.

— И?

— Чистая. Ни скандалов, ни соцсетей с вечеринками, ни бывших, которые продадут историю жёлтой прессе. Есть бывший жених, Денис Карпов. Ушёл к конкурентам, в «Монолит», и увёл часть клиентов. Мерзко, но законно. — Глеб полистал что-то в телефоне. — А вот с деньгами у неё беда. Крупный заказчик не заплатил почти пять миллионов. Фирма «Аврора», однодневка. Открылась перед их договором, закрылась после. Классика.

— Классика, — повторил я.

Что-то в этом слове мне не нравилось. «Классика» — это когда кидают тех, кого удобно кинуть: маленькое бюро, молодая хозяйка, никаких связей. Но зачем ради этого городить отдельную фирму? Обычно просто не платят и тянут время.

— Найди, кто стоит за этой «Авророй».

Глеб поднял на меня глаза.

— Зачем?

— Не люблю, когда моих подрядчиков кидают.

— Она стала твоим подрядчиком двадцать минут назад. А кинули её до этого.

— Глеб.

— Найду, — вздохнул он. — Но не быстро. Однодневки

на то и однодневки.

Он ушёл и оставил мне её листы. Я дождался, пока закроется дверь, и прочитал их ещё раз.

Пункт третий. «Поцелуй — только если без него никак. И без языка».

Я перечитал эту строчку. Потом ещё раз. Потом понял, что минут десять не могу вспомнить, чем собирался заниматься после обеда.

Я убрал её листы в ящик стола — туда, где год пролежала распечатка «Дома над обрывом». И запер ящик на ключ.

В субботу позвонил Лебедев.

Аркадий Петрович всегда звонит сам, без помощников, и всегда в субботу утром. Он считает, что серьёзные разговоры надо вести на свежую голову, а в будни голова у людей занята ерундой.

— Марк, — сказал он. Голос у него хриплый, тёплый, с той интонацией, с какой хорошие учителя говорят с упрямыми учениками. — Как стройка?

— Перезапускаю. Новый архитектор.

— Опять новый?

— Последний.

— Хм. — Пауза. Аркадий Петрович умеет держать паузы, как держат козырь. — А Тамара говорит, у тебя кто-то появился. Ей сорока на хвосте принесла.

Сороку я знал. Её звали Ирина Ланская, и вчера, через

час после подписания, она случайно обронила в разговоре с помощницей Лебедева, что «у Марка Александровича всё серьёзно». Ирина никогда ничего не роняет случайно.

— Появилась, — сказал я.

Первая ложь. Вслух. Человеку, которого я уважаю.

Странно: я думал, будет тяжелее.

— Кто такая?

— Её зовут Вера. Она архитектор. Тот самый новый архитектор.

На том конце помолчали, а потом Аркадий Петрович засмеялся — хрипло, по-стариковски, от души.

— Ну ты даёшь. Совместил приятное с полезным. — Он отсмеялся и сказал уже серьёзно: — Я рад, Марк. Правда рад. После всей этой грязи... Человек не должен строить один. Ни дома, ни жизнь. Тамара будет счастлива. Она любит архитекторов. Говорит, что только они и думают на сто лет вперёд.

— Вы познакомитесь в Сочи.

— Познакомимся. — И ещё одна пауза, другая, тяжёлая. — Ты знаешь, Марк, я подписываю с людьми, а не с компаниями. Компанию можно перекрасить. Человека — нет.

— Знаю.

— Ну и хорошо. До встречи, мальчик.

Он повесил трубку. Я долго сидел с телефоном в руке.

Он подписывает с людьми. А я только что подsunул ему человека, которого не существует. Невесту, которой нет. Па-

ру, у которой есть регламент на три страницы и пункт про язык.

Я позвонил на объект.

— Степаныч. В понедельник прилетаю.

— Один? — прохрипел в трубку наш прораб, который знал меня ещё тогда, когда я таскал за отцом вёдра с раствором.

— С архитектором.

— Опять? Второй за год, Марик.

— Последний.

— Ты это про каждого говоришь.

— Про этого — правда.

Степаныч помолчал, слушая, как молчу я.

— Ну-ну, — сказал он. — Ладно. Гостевой приберём.

В воскресенье вечером я сидел на полу своей квартиры на Пресне.

Квартиру я купил после развода. Четыре комнаты, панорамные окна, вид на реку — и за полгода я так и не купил в неё ничего, кроме кровати, кофемашины и чертёжного стола. Алина назвала бы это «депрессивным минимализмом». Алина вообще любила давать названия чужим состояниям. Пять лет брака она называла меня «сложным», последний год — «невыносимым», а в суде её адвокат назвал меня «эмоционально недоступным собственником», и половина журналистов в зале записала это в блокноты.

Компанию суд оставил мне. Ей — квартиру на Остоженке и деньги, на которые можно было бы построить небольшой город. Из зала она вышла с улыбкой. Алина умела улыбаться так, что хотелось проверить, на месте ли бумажник.

Я не думал о ней уже месяц. Это был рекорд.

Я достал из папки распечатку. Не ту, что в офисе, — вторую, свою. «Дом над обрывом». Терраса над водой. И мелкий почерк в углу: «Дом должен быть продолжением места, а не его победителем».

Тот же почерк, что на её листах с условиями. Я сравнил. Не нарочно. Просто глаз у меня такой: на чертежах он замечает любую разницу в миллиметр.

Тот же глаз выбрал и кольцо. Я заказал его по памяти, по той секунде во вторник, когда пожимал ей руку. Ювелир сказал, что так не бывает. Я двадцать лет на глаз определяю сечение арматуры. Палец — не сложнее.

Подошло.

Будильник стоял на четыре утра, самолёт — в шесть. Через восемь часов она сядет рядом со мной в самолёт, и следующие три месяца мы будем жить через стену.

Я не сказал ей, что видел этот проект год назад. Не сказал, что голосовал за него один против шести. Не сказал, что купленная мной скала каждый раз напоминает мне её террасу.

Пункт третий: не врать.

Я и не врал.

Я просто молчал.

Глава 5. Один дом

Соня позвонила в четыре сорок утра, когда такси уже подъезжало к Внукову.

— Ты не спишь? — спросила она шёпотом, будто кто-то мог нас подслушать.

— Я в такси. Я не умею спать в такси.

— Отлично. Тогда запомни: держи спину, не ешь в самолёте ничего с чесноком и, если будет возможность, сфоткай его без рубашки. Для отчётности.

— Соня, я еду работать.

— Вот и я о работе. Бюро должно знать, на кого работает его директор.

Я положила трубку и посмотрела на кольцо. За три дня я так к нему и не привыкла: камень цеплялся за свитера, а я каждый раз вздрагивала, когда замечала на своей руке чужое обещание.

Марк ждал у стойки регистрации — в джинсах, тёмной футболке, с одной кожаной сумкой через плечо. Без костюма он выглядел моложе и почему-то опаснее. Как здание, с которого сняли строительные леса: только теперь видно, какое оно на самом деле.

— Доброе утро, — сказал он и посмотрел на мой чемодан. Чемодан был огромный, жёлтый, с наклейкой «Хрупкое». — Вы переезжаете навсегда?

— Там макеты. И книги. И кое-что из одежды.

— Кое-что.

— Три месяца, Марк Александрович. Я не знаю, какая в Сочи погода в августе.

— Жаркая, — сказал он и взял мой чемодан, не спрашивая. — И давайте с этого момента без отчества. Невесты не называют женихов по отчеству.

— В регламенте об этом ничего нет.

— Значит, допишем.

Я ожидала частного самолёта. Честно. Я даже придумала, что скажу про углеродный след и как буду презрительно смотреть на кожаные кресла.

Мы полетели обычным рейсом, бизнес-классом, где кроме нас сидели двое командированных и пожилая дама с мопсом в переноске. Марк достал ноутбук, надел очки в тонкой металлической оправе — очки! у человека из бетона были очки для чтения — и ушёл в таблицы.

Минут десять я разглядывала его из-под ресниц. Потом решила, что это непрофессионально, и уставилась в иллюминатор.

— У нас есть легенда? — спросила я, когда самолёт набрал высоту.

— Какая легенда?

— Как мы познакомились. Как вы сделали мне предложение. Что я люблю на завтрак. Лебедевы будут спрашивать.

Он не оторвался от экрана.

— Познакомились по работе. Вы мой архитектор. Это правда, а правду не нужно запоминать.

— А влюбились как?

— Придумаете. Вы же творческий человек.

Я открыла рот, чтобы высказать всё, что думаю о людях, которые используют творческих людей как бесплатных сценаристов, но он уже снова печатал. Пальцы быстро бегали по клавиатуре, и шрам на ладони то появлялся, то исчезал.

Я отвернулась. Все эти дни я почти не спала: сначала условия, потом сборы, потом снова условия, уже у меня в голове. Двигатели гудели ровно, как белый шум. Я решила, что закрою глаза на минуту.

Проснулась я от того, что самолёт тряхнуло на посадке.

И от того, что моя щека лежала на его плече.

Я подскочила так резко, что ударилась затылком о подголовник. Марк закрыл ноутбук и снял очки. На его тёмной футболке, на плече, темнело маленькое влажное пятно.

Господи. Нет.

— Это... — начала я.

— Это ничего, — сказал он совершенно серьёзно. — Но вы храпите.

— Я не храплю!

— Тихо, — согласился он. — Но храпите.

Дама с мопсом смотрела на нас с умилением. Мопс тоже. Я решила, что умру прямо здесь, в кресле 2А, и пусть меня

похоронят под Сочи, на скале, с видом на море. По крайней мере, вид будет хороший.

В Адлере в девять утра было двадцать шесть градусов.

Жара ударила в лицо, как из открытой духовки, ещё на трапе. Пахло керосином, морем и чем-то цветущим, сладким, южным. Я сняла кофту и почувствовала, как мои московские кости отогреваются впервые за полгода.

На парковке Марк подошёл к машине, и я снова ошиблась. Ни чёрного седана, ни водителя. Пыльный серый «ленд крузер» лет десяти, с вмятиной на заднем крыле и коробкой образцов плитки на заднем сиденье.

— Ваша? — спросила я.

— Моя. Там серпантин. На седане не доедешь.

Он вёл машину так же, как говорил: спокойно, точно, без лишних движений. Мы ехали вдоль моря, мимо пальм, санаториев, рынков с персиками и бесконечных вывесок «Сдаю жильё», а потом свернули в горы, и дорога начала петлять между соснами. Я открыла окно. Пахло хвоей, нагретой смолой и солью. Цикады кричали громко, звеняще, будто кто-то тряс над ухом тысячей погремушек.

Через час дорога упёрлась в ворота с табличкой «Вертикаль. Частная территория».

За воротами были сосны. За соснами — небо. И больше ничего: просто небо, которое начиналось прямо у края земли.

— Выходите, — сказал Марк. — Посмотрите.

Я вышла.

Я прошла мимо бетонного каркаса — серого, тяжёлого, с торчащей арматурой; той самой мёртвой коробки. Прошла между соснами по сухой рыжей хвое, которая пружинила под ногами. И остановилась у самого края.

Внизу было море.

Не синее и не голубое: бирюзовое у берега, дальше тёмное, почти чернильное, с белой полоской прибоя у камней. Сорок метров отвесной скалы, а у её подножия валуны, которые видно сквозь прозрачную воду. Слева сосны цеплялись корнями прямо за камень. Справа берег уходил в дымку.

Я стояла, и у меня щипало в глазах. Не от солнца.

Я рисовала это место. Год назад, ночами, в лофте на Бауманской. Я никогда здесь не была. Я придумала его из головы — этот обрыв, эти сосны, этот свет. А оно, оказывается, всё это время существовало. И ждало.

Не знаю, сколько я там простояла. Когда я обернулась, Марк стоял в нескольких шагах позади, между соснами, засунув руки в карманы. И смотрел не на море. На меня.

Он сразу отвёл взгляд.

— Ну? — спросил он.

— Каркас придётся частично разобрать, — сказала я. Голос сел, и я откашлялась. — Терраса должна выходить сюда. На консоли. Над водой.

Он не стал спорить. Просто кивнул, будто именно это и

ожидал услышать.

Степаныч оказался именно таким, каким я представляла его по голосу: лет шестьдесят, седые усы щёткой, тельняшка под рабочей курткой и руки, похожие на две совковые лопаты.

Он вышел из бытовки, вытер ладони о штаны и оглядел меня с головы до ног — от пучка с карандашом до кед.

— Архитекторша, значит, — сказал он.

— Архитектор, — поправила я.

— Ну-ну. — Он повернулся к Марку. — Марик, гостевой готов. Бельё постелили, холодильник забили. Люба из посёлка пирожков напекла, с капустой.

Марик.

Я посмотрела на Марка Александровича Воронцова, генерального директора «Вертикали», человека из бетона. На скулах у Марка Александровича проступили два тёмных пятна.

— Спасибо, Степаныч, — ровно сказал он.

— Да не за что, Марик.

Я прикусила щёку изнутри, чтобы не рассмеяться. Это была лучшая минута за последние три месяца.

Гостевой дом стоял в глубине участка, под соснами, метрах в ста от стройки. Деревянный, одноэтажный, с зелёными ставнями и широкой террасой, с которой было видно море.

Его построил ещё прежний хозяин участка, и Марк не стал его сносить.

Внутри было чисто, прохладно и пахло деревом. Общая комната с кухней: большой стол, старый диван, плита, холодильник и кофемашина — хорошая, профессиональная, явно привезённая из другой жизни. Две двери в спальни. И одна дверь в ванную.

Одна.

— Здесь одна ванная, — сказала я.

— Да.

— На двоих.

— Дом строили для сторожа, а не для фиктивных пар, — сказал Марк и поставил мой жёлтый чемодан у левой двери. — Ваша комната. Моя — справа.

Я заглянула в свою. Кровать, шкаф, стол у окна, за окном сосны и кусочек моря. Хорошая комната. Я постучала костяшками пальцев по стене между нашими спальнями. Звук был глухой и тонкий. Вагонка. Сантиметра три дерева, не больше.

— Вы знаете, что здесь всё слышно? — спросила я.

— Знаю.

— И вас это не смущает?

— Меня, — сказал он, — смущает мало что.

Я вернулась в общую комнату, достала из сумки блокнот и вырвала чистый лист.

— Правила, — сказала я.

Он поднял бровь.

— Ещё одни?

— Регламент — для людей снаружи. А это — для дома.

Садитесь.

И он, к моему удивлению, сел. За стол, напротив. Сложил руки и смотрел, как я пишу, — с тем выражением, с каким, наверное, смотрел на сметы подрядчиков: внимательно и с готовностью найти ошибку.

Через двадцать минут на холодильнике, под магнитом в виде сочинской пальмы, висел листок:

Правила дома

1. Ванная: с 6:30 до 7:00 — М., с 7:00 до 7:30 — В. Вечером — кто первый.

2. Кухня общая. Каждый моет за собой. Сразу.

3. В спальню другого не входить. Никогда. Ни под каким предлогом.

4. В общих помещениях — одетыми.

5. После 23:00 — тишина.

Последнюю строчку дописал он, моей ручкой, несмотря на мои возражения:

6. Кофе варю я.

— Почему? — возмутилась я.

— Потому что вы пьёте растворимый.

— Откуда вы знаете?!

Он пожал плечами.

— Я много чего знаю, Вера.

Я перебрала в голове наш разговор во вторник, потом в пятницу, слово за словом. Про растворимый кофе я ему не говорила. Про сломанную кофемашину — тоже.

Я открыла рот, чтобы спросить. Но в этот момент у него зазвонил телефон.

Марк посмотрел на экран, и лицо у него стало другим. Собранным. Как перед ударом.

— Да, Аркадий Петрович.

Я не слышала, что говорили на том конце. Слышала только, как отвечает Марк — коротко, ровно:

— Да. Конечно. Будем рады. Да. До встречи.

Он положил телефон на стол экраном вниз.

— Лебедевы прилетают в среду, — сказал он. — Тамара не захотела ждать. Ужин в среду вечером, в ресторане их отеля на набережной.

Я посчитала. Сегодня был понедельник.

— Это послезавтра.

— Да.

— У нас нет легенды. У нас нет истории. Мы даже не знаем, кто как пьёт кофе.

— Я знаю, как пьёте кофе вы, — сказал Марк и встал. — С молоком, без сахара. Растворимый, когда никто не видит.

Он ушёл к себе и закрыл дверь. Сквозь три сантиметра вагонки я слышала, как он ходит по комнате: пять шагов туда, пять обратно.

Я посмотрела на листок на холодильнике. На шестой

пункт, написанный его угловатым почерком.

У нас было два дня, чтобы научиться быть парой.

И одна ванная.

Глава 6. Первый ужин

Пункт четвёртый правил продержался меньше суток.

Во вторник в шесть двадцать утра я вышла из своей комнаты за водой — босиком, в старой футболке с надписью «Архитектура — это застывшая музыка», со следом подушки на щеке. Входная дверь открылась, и в дом вошёл Марк.

Мокрый. С моря. В одном полотенце на бёдрах.

Вода стекала с его волос на плечи, с плеч — на грудь, по которой сразу было видно, что этот человек не только подписывает договоры. На левом плече белел ещё один старый шрам, короткий и неровный. Я заметила его, потому что смотрела. А смотрела я потому что... ну, потому что смотрела.

Мы оба замерли посреди общей комнаты.

— Пункт четвёртый, — хрипло сказала я. — В общих помещениях — одетыми.

— Я в полотенце, — сказал он. — Полотенце — это одежда.

— Полотенце — это не одежда!

— В Древнем Риме — одежда.

— Мы не в Древнем Риме!

— Шесть двадцать, — сказал он и посмотрел на часы. Кроме полотенца, на нём были только они. — Мои полчаса в ванной начинаются через десять минут. Вы стоите у меня

на пути.

Я отступила к холодильнику. Он прошёл мимо — близко, очень близко, оставив за собой запах соли и мокрой кожи, — и закрыл за собой дверь ванной.

Я выпила два стакана воды подряд. Не помогло.

Весь вторник мы работали.

Я облазила каркас вместе со Степанычем, сделала обмеры и нарисовала первые эскизы прямо на капоте «ленд крузера», потому что стол в бытовке был занят чьим-то обедом. Марк спорил со мной о каждой линии. Я спорила в ответ. К пяти часам мы охрипли оба, и Степаныч сказал, что двадцать лет не слышал на стройке такой ругани без единого матерного слова.

Вечером мы сели на террасе сочинять легенду.

Через полчаса легенда выглядела так: «Познакомились по работе. Дальше — по ситуации».

— Вы невыносимы, — сказала я.

— Мне говорили, — согласился Марк. — В суде. Под протокол.

Мы сдались. Решили импровизировать.

В среду в семь вечера я стояла перед зеркалом в ванной и пыталась понять, кто это.

Тёмно-зелёное льняное платье на тонких бретелях — единственное приличное платье в моём жёлтом чемодане.

Плоские сандалии. Тушь, немного помады. И волосы. Я вынула карандаш из пучка, повертела в руках и положила на полку у раковины. Распустила волосы — впервые с тех пор, как приехала. Они упали ниже плеч, тяжёлые, тёмные, непривычные.

Без карандаша я чувствовала себя голой.

Когда я вышла на террасу, Марк стоял у машины и говорил по телефону. Белая рубашка, тёмные брюки, никакого галстука. Он обернулся на звук моих шагов — и замолчал на полуслове.

Человек на том конце, видимо, несколько раз сказал «алло», потому что Марк вздрогнул, бросил «перезвоню» и убрал телефон.

— Без кед, — сказал он наконец.

— Кеды — для переговоров.

— А это не переговоры?

— Это ужин. — Я подошла к машине. — Хотя кто вас знает.

Он открыл мне дверь. Я села. Он постоял секунду, глядя на меня сверху вниз, и я увидела, как он сглотнул.

Потом закрыл дверь и обошёл машину.

— Правила, — сказала я, когда мы выехали на серпантин.

— Быстро. Как мне вас называть?

— Марк.

— Не «милый»? Не «котик»?

— Только попробуйте.

— А «Марик»?

Он посмотрел на меня так, что я рассмеялась.

— Сигналы, — сказал он, не отрывая глаз от дороги. —

Если я трогаю вас за локоть — меняйте тему. Если не знаете, что ответить, смотрите на меня. Я отвечу.

— А если вы не знаете, что ответить?

— Такого не бывает.

— Сейчас проверим, — сказала я.

Ресторан был на открытой террасе отеля, прямо над морем. Белые скатерти, фонарики в соснах, официанты, которые двигались бесшумно, как в балете. Солнце садилось в воду, и всё вокруг стало медовым, розовым, золотым.

Лебедевы уже сидели за столиком у самого края.

Аркадий Петрович оказался крупным, седым, с густыми чёрными бровями, которые жили на его лице отдельной жизнью. Льняной пиджак, расстёгнутый ворот, большие руки. Он поднялся нам навстречу, и стул под ним облегчённо скрипнул.

— Марк! Мальчик мой.

Он обнял Марка — по-медвежьи, с похлопыванием по спине, — и Марк, человек из бетона, это выдержал. А потом Аркадий Петрович повернулся ко мне, и брови его поползли вверх.

— А это, значит, Вера.

— Вера, — сказала я и протянула руку.

Он взял её в обе ладони, тёплые и сухие, и долго смотрел мне в лицо.

— Хороша, — сказал он наконец. — Тамара, посмотри, как хороша.

Тамара Лебедева не встала. Она сидела, маленькая и прямая, с короткой серебристой стрижкой и тонким браслетом на запястье, и смотрела на меня поверх бокала. Взгляд у неё был такой, что я сразу поняла: из этих двоих опасна именно она. Аркадий Петрович видит людей. Тамара их просвечивает.

— Садитесь, Вера, — мягко сказала она. — Расскажите нам всё.

Первые двадцать минут прошли хорошо. Мы говорили о погоде, о Сочи, о том, что море в этом году тёплое уже в июне. Аркадий Петрович рассказывал, как сорок лет назад они с Тамарой строили свой первый склад в Подольске — «из кирпича, который сами и разгружали». Тамара улыбалась и поправляла его в датах.

А потом она поставила бокал и спросила:

— Ну а как вы познакомились?

Марк открыл рот.

— По работе, — сказал он.

— Марк, — с упрёком сказала Тамара, — я спросила не тебя. Ты рассказываешь так же, как пишешь договоры: сухо

и без подробностей. Вера?

Все посмотрели на меня. Марк тоже. В его глазах я прочитала что-то вроде «держитесь».

Я сделала глоток вина и начала говорить. Я сама не знала, что скажу, пока не услышала.

— Он забраковал мой проект, — сказала я.

Аркадий Петрович хмыкнул. Тамара подалась вперёд.

— Я проектировала частный дом. Над морем, на скале. Я считала, что это лучшее, что я сделала в жизни. А он посмотрел и сказал, что это... — я сделала паузу, вспоминая, — коммерчески наивно.

Рядом со мной что-то изменилось. Я не сразу поняла что. Потом поняла: Марк перестал дышать. Буквально. Он сидел неподвижно, и только пальцы на ножке бокала побелели.

— И что вы? — спросила Тамара.

— Я пришла к нему в офис ругаться. В кедах. И сказала, что коммерчески наивны люди, которые строят одинаковое.

Марк медленно повернул голову и посмотрел на меня. Странно посмотрел. Так, будто я сказала что-то, чего никак не могла знать.

— А потом развернулась и пошла хлопнуть дверью, — продолжала я, разгоняясь. — А у него там доводчик. Дверь не хлопает. Она закрывается... вот так. — Я медленно и плавно повела рукой. — Издевательски.

Аркадий Петрович захохотал так, что за соседним столиком обернулись.

— Доводчик! Ну конечно! Марк, ты и двери себе ставишь такие, чтобы никто не хлопал!

— Я сам выбирал модель, — сказал Марк. Голос у него был странно хриплый.

— А предложение? — не отставала Тамара. — Как он сделал предложение?

Я посмотрела на Марка. Он поймал мой взгляд и ответил сам, ровно, глядя Тамаре в глаза:

— Я положил ей коробочку в ладонь и сказал, что невеста без кольца вызывает вопросы.

Пауза.

— Какой романтик, — сухо сказала Тамара.

— Узнаю Марка! — снова захохотал Аркадий Петрович.

— А я спросила, что будет, если не подойдёт по размеру, — сказала я. — А он сказал: «Подойдёт». И подошло.

— Покажите, — попросила Тамара.

Я протянула ей руку. Она взяла её, повернула к свету фонариков и рассмотрела кольцо. Долго. Внимательно.

— Белое золото, — сказала она. — Один камень. Без всяких глупостей. — Она подняла глаза на Марка. — Это не ты выбирал. Ты бы купил булыжник размером с грецкий орех.

— Я выбирал, — сказал Марк.

Тамара смотрела на него ещё секунду. Потом отпустила мою руку.

— Значит, ты изменился, — сказала она. И будто между прочим повернулась ко мне: — Вера, а что Марк пьёт по

утрам?

Я не знала.

Господи, я не знала. Все эти дни в одном доме я видела, как он варит кофе, но ни разу не посмотрела, что именно он пьёт. Я смотрела на полотенце. На шрам на плече. На мокрые волосы. На что угодно, кроме его чашки.

Я посмотрела на Марка. Он чуть заметно шевельнул губами, но я не успела прочитать.

— Чёрный, — сказала я. — Без ничего. Как его душа.

Аркадий Петрович снова захохотал. Тамара улыбнулась уголками губ.

— Двойной эспрессо, — сказал Марк. — Почти угадала.

— Почти, — повторила Тамара и отпила вина.

Я почувствовала, как по спине между лопатками ползёт холодная капля.

Десерт принесли, когда солнце уже ушло в море и остались только фонарики и тёмная вода внизу. Аркадий Петрович поднял бокал.

— За вас, — сказал он. — Знаешь, Марк, когда я читал в газетах про твою историю с Алиной, я думал: всё, сломался парень. Такие не встают. А ты встал. И вот сидишь с такой девушкой. — Он посмотрел на меня тепло, по-отечески. — За молодых! Горько!

— Аркаша, — сказала Тамара. — Они ещё не женаты.

— Ну и пусть тренируются! Горько!

За соседними столиками начали оборачиваться. Кто-то засмеялся. Кто-то подхватил: «Горько!»

Я повернулась к Марку. Он уже смотрел на меня.

— Регламент, — сказала я одними губами. — Пункт третий.

— Только если без этого никак, — так же тихо ответил он. — Сейчас — никак.

— Без языка.

— Я помню.

Он поднял руку и коснулся моей щеки. Сначала пальца-

ми, потом ладонью — той, где шрам. Ладонь была тёплой и шершавой, и я почувствовала на скуле полоску шрама. Он наклонился. Медленно, будто давал мне время передумать.

Я не передумала.

Он поцеловал меня.

Это должен был быть короткий поцелуй. Для публики. Касание губ, улыбка, аплодисменты. Я так и рассчитывала. Я даже успела подумать, что потом надо будет посмеяться и сказать Тамаре что-нибудь милое.

А потом я перестала думать.

Губы у него были тёплые и твёрдые, и пахло от него солью, вином и чем-то древесным. Шум ресторана исчез. Море исчезло. Остались только его ладонь на моём лице и большой палец, который медленно провёл по моей скуле. Я поняла, что держусь за его рубашку. Я не помнила, когда за неё схватилась.

Регламент мы не нарушили. Формально.

Отстранился он. На секунду позже, чем следовало. Мы смотрели друг на друга, и я видела, что у него тоже сбилось дыхание. Что в его серых глазах сейчас нет никакого бетона.

Вокруг аплодировали. Аркадий Петрович стучал ладонью по столу. Тамара не аплодировала. Она просто смотрела — и улыбалась уже совсем иначе.

Марк взял бокал. Я заметила, что рука у него чуть-чуть дрожит.

Вино плеснуло через край.

Обратно мы ехали молча.

Серпантин, темнота, фары выхватывают из ночи стволы сосен. Марк вёл машину, глядя только на дорогу. Я смотрела в окно и держала руки на коленях, потому что не знала, куда их деть.

Я хотела сказать что-нибудь лёгкое. «Хорошо сыграли». Или: «Тамара нам не поверила». Или хотя бы: «Двойной эспresso — серьёзно?» Я перебрала десяток фраз и не сказала ни одной.

Дома он кивнул мне — «спокойной ночи» — и ушёл к себе. Я ушла к себе. Мы закрыли двери почти одновременно.

Я легла, не раздеваясь, поверх покрывала и смотрела в потолок. Губы горели. Я трогала их пальцами — как дура, как девочка-подросток — и злилась на себя за это.

Это была работа. Регламент. Пункт третий. Публичный контакт в допустимых пределах.

За стеной, за тремя сантиметрами вагонки, было тихо. Ни шагов, ни скрипа кровати. Я поняла, что он тоже не спит. Тоже лежит и слушает. Тишина за стеной была такой плотной, что, казалось, у неё есть дыхание.

А потом стена сказала:

— Спокойной ночи, Вера.

Тихо. Почти шёпотом. Но я услышала.

— Спокойной ночи, — ответила я стене.

Пятый пункт правил мы нарушили оба. И до трёх часов

ночи я не могла уснуть.

Глава 7. Ночная стройка

Марк

В час ночи я понял, что не усну.

Я лежал на спине и смотрел в потолок, по которому ползли тени от сосен. За стеной было тихо. Три сантиметра вагонки. Я слышал, как она ворочается — раз, другой, — как скрипнула кровать, как она вздохнула. Потом снова тишина.

Я сказал ей «спокойной ночи». Через стену. Как школьник.

Я закрыл глаза и снова увидел ресторан. Фонарики. Её волосы — я не знал, что они такие длинные: я видел их только собранными, с этим проклятым карандашом. Её пальцы на моей рубашке. И то, как она сказала Тамаре: «Коммерчески наивны люди, которые строят одинаковое».

Моими словами. Слово в слово. Теми, что я год назад сказал председателю жюри и о которых не знает никто, кроме него и меня.

Полчаса я убеждал себя, что она не может этого знать. Протоколы жюри закрыты. Председатель не стал бы пересказывать мою грубость. Значит, она просто думает так же, как я.

Эта мысль пугала меня больше, чем если бы она знала.

В половине второго я встал, натянул джинсы, взял налобный фонарь и вышел из дома, стараясь не скрипнуть дверью.

Ночью стройка другая.

Днём это шум, пыль, Степаныч, который кричит на краповщика, бетономешалка, сорок дел одновременно. Ночью — только бетон, сосны и море внизу. Каркас стоит тёмный, как скелет какого-то зверя, и пахнет нагретым за день камнем. Цикады молчат. Слышно, как дышит вода.

Отец любил стройку ночью. Говорил: «Днём ты строишь для заказчика, а ночью — для себя». Мне было четырнадцать, когда он впервые взял меня на объект после смены и стал учить разбивке осей: колышки, шнур, отвес, рулетка. «Здание начинается не с бетона, Марик. С верёвочки».

Отца не стало восемь лет назад. Но я до сих пор, когда не сплю, иду на стройку.

Её эскиз лежал у меня в кармане — тот, что она нарисовала во вторник на капоте «ленд крузера». Карандашные линии, торопливые, смелые. Терраса, вынесенная за край скалы. Дом, который поворачивается к морю, как цветок к солнцу.

Я взял в бытовке колышки, моток шнура, молоток и рулетку. И пошёл к обрыву.

Я работал минут сорок. Колышек — замер — шнур — колышек. Луч фонаря прыгал по камням и соснам. Молоток я обмотал тряпкой, чтобы стучал тише, но в ночной тишине каждый удар всё равно разносился далеко.

Я не услышал её шагов. Я услышал голос.

— Вы с ума сошли.

Я обернулся, и луч фонаря ударил ей в лицо. Она зажмурилась и закрылась рукой. Я выключил фонарь.

Луна была почти полная. Глаза быстро привыкли. Вера стояла у края моей разбивки — босиком, в той самой футболке про застывшую музыку и в длинном сером кардигане, который был ей велик. Волосы снова собраны в пучок, но без карандаша: просто закручены и держатся, кажется, на честном слове.

— Два часа ночи, — сказала она. — Вы стучите молотком. Я думала, к нам лезут грабители.

— И пошли к ним навстречу босиком.

— Я пошла посмотреть, кого убивать. — Она подняла руку, и я увидел, что в ней зажат её карандаш. Как нож. Я чуть не рассмеялся.

А потом она опустила руку и посмотрела на землю у себя под ногами.

На белый шнур, натянутый между колышками. На линию, которая шла от сосны к краю обрыва, поворачивала и уходила дальше — туда, где кончалась земля и начиналось небо. В лунном свете шнур светился, как нарисованный мелом.

Она стояла очень тихо. Я видел, как она узнаёт. Как её взгляд бежит по линии и находит всё: изгиб, поворот, угол, под которым терраса выходит к воде.

— Это мой эскиз, — сказала она.

— Да.

— Вы перенесли его на землю.

— Хотел посмотреть, как он ляжет на участок. Днём не успеть, днём здесь Степаныч с краном.

Она подошла к самому краю, к последнему колышку. Сорок метров вниз, море, лунная дорожка на воде. Я шагнул к ней — машинально, как на любой стройке, когда кто-то стоит слишком близко к краю. Она не заметила.

— Он ложится, — тихо сказала она. — Он ложится, Марк.

Она впервые назвала меня по имени. Без отчества, без иронии. Просто — Марк.

Я ничего не ответил. Я не доверял своему голосу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.